

Неужели характер человека был заранее предначертанным с самого рождения? А его кует кузнец самой жизни - жизненный опыт?

Джоффри расставил руки, наклонившись вперед над перилами балкона; громкий шум Ланниспорта едва долетал сюда, на вершину скалы. Утреннее солнце уже выглянуло из-за Желтого Зубца еще несколько часов назад, а вместе с ним в городе проснулись рабочие и лавочники, которые зарабатывали деньги, продавая товар с приземистых коггов, прибывших из Простора или с Железных островов; квадратные паруса покрывали море мозаикой вплоть до самого горизонта.

Суда поменьше, которые перевозили рыбаков и ныряльщиков за кораллами, петляли между большими кораблями, словно стайка креветок, избегает тени акулы; их обуревало то же самое желание - желание выжить - как и их больших братьев. Сам город напоминал улей, который бурлил жизнью, но несколько отличный от столицы. Улицы выглядели прямее, а на самых больших перекрестках царили часовые, регулируя уличное движение.

Он потрогал ладонью гладкий гранит, из которого был выстроен Утес Кастерли, и протяжно вздохнул. В глубине души юношу мучил вопрос, который преследовал его на протяжении всей жизни. Мейстер Йондлин предполагал, что человек приходит в этот мир чистым, словно листок бумаги, не имея ни капли чернил на поверхности, готовый поглощать все, что мир желает ему предложить.

Мейстер Донолд энергично отрицал эту точку зрения, подчеркивая что люди-большие, малые, короли, крестьяне - приходят на этот свет, вынуждены продвигаться единым курсом, который зависел от конкретного дня рождения. Истории их дебатов и дискуссий вращались по кругу в Цитадели даже спустя десятилетия после смерти оппонентов; их последователи и дальше спорили, звоня цепями, переполненными медными и платиновыми звеньями. Джоффри схватил письмо с невысокой скамейки, стоявшей поблизости, и перечитал снова.

"Мы нашли ее лошадь мертвой, но что-то затуманивает мое зрение в глубине красной пустыни. Я продолжу поиски еще в течение определенного времени, однако рейдерам придется убираться подальше от всей этой местности, пока чистокровные не осознали, что это наша вина"

Он мощно вздохнул, снова смяв письмо в руке.

Неужели я такой лицемер?

Вся его жизнь была воплощенным экспериментом, о котором мейстер Йондлин и мейстер Донолд могли бы только мечтать; ничтожнейший подонок на белом свете подпал под действие молота кузнеца жизнь, пока не сломался и не изменился. И он все таки изменился; он нашел себе отца, команду, братство, любимую, и благодаря им всем смог глубоко заглянуть в собственную душу в поисках ответа на тот вопрос.

Это все, чем я являюсь? Есть ли еще что-нибудь? Могу ли я измениться? Высокие горы и бездонные моря шептали секреты, проблески ответа, которая поглощала его сильнее, чем Пурпур, сильнее, чем слова глубинных, даже сильнее влияние Красной Кометы.

Кто я?

Насколько короткий вопрос, столь же долгим был ответ. Мальчик-король, урод, штормовой Король, кровавый Лев, Командир рассвета; все те титулы, которыми его награждал мир. Но были и более глубокие оценки: страстный, мстительный, любимый, жалкий, мечтательный,

развращенный, заинтересованный, беззаботный.

В конце концов он склонился на сторону Йондлина; разве мог он поступить по другому? Сама жизнь была ответом на этот вопрос, а борьба – диссертацией в подтверждение теории.

И все же он посылает наемных убийц по испуганную юную девушку, вооруженную тремя только что родившимися драконами и ложью, так старательно нащёптанную на уши погибшим братом. Он мог смягчить вину; Глира получила приказ пленить, если это будет возможно, вместе и Дейнерис, и драконов, при случае.

Но по сути их совместная с Кошельком миссия была четкой, словно солнечные лучи, что сейчас купали тростниковые крыши домов Ланниспорта, чьи остроугольные стрехи и деревянные окна добавляли шарма этому городу. Ликвидировать ее как угрозу, так или иначе.

Я приказал убить ее из-за того, что она поступит позже, подумал он. И в этом и заключалась дилемма, не так ли? За то, что она сделает, а не - что сможет сделать. Каждый раз, как он проживал жизнь и мог лицезреть ее достижения, то откровенно ужасался. Казалось, будто смерть, руина и опустошение следовали за Дейнерис, если она имела шанс прожить достаточно долго.

А больше всего остальное-безумие. Взбалмошная и раздавленная ответственностью кандидатка в королевы ударяла его родине в спину, словно кинжал, что убивал ослабевшего от болезни солдата. Каждый раз она ломалась. В конце концов, так или иначе, но она теряла рассудок: лишь три дракона были ее советниками. Как мог бы он смотреть в глаза своим легионерам, своим рыцарям, всем его людям и их детям, как мог бы он посмотреть Мирцелле прямо в глаза и позволить событиям течь собственным течением? Юноша снова вернулся к чтению.

"Я ее найду в конце концов, даже если придется порыть пески Красной пустыни телами чаек и воронов. Пусть там что ее скрывает, но без лошади она не убежит далеко"

Любимая не была женщиной, легко воспринимающей неудачи. Он фыркнул, оттолкнувшись подальше от перил, ощущая теплый бриз, дувший на этой вершине мира.

Такая же упрямая, как и я, как кажется. Кто-то мог бы сказать, что они являются двумя половинками одного целого.

Он задумался, как бы все переигралось, если бы Пурпур выбрал Дейнерис в качестве орудия. Тогда он в конце концов получил бы кинжал в спину в каждой новой жизни? Турнир Десницы был бы лучшим временем для совершения убийства; город полнился золотом, иностранцы и торговцы со всех сторон света собирались на улицах. Жалостливые не имели бы проблемы с проникновением в Красный Замок. Это было бы легко.

(Жалостливые — древняя священная гильдия убийц из города Кварта)

Боги, в этой ситуации она бы была права. Каждый раз как Джоффри приходил к власти - то приводил Вестерос все глубже и глубже в круги семи Адов. Каждый раз, если его не останавливали, то люд Королевской Гавани погибал: от голода или войны, но и от арбалетного болта, выстрелянного им же с безумным смехом.

Жалостливые должны были бы извиниться перед ним, прежде чем заколоть ножами, но по правде это Джоффри должен был бы поблагодарить их, хваля за хорошо проделанную работу. Дейнерис имела бы полное право его убить, не давая парню ни единого шанса. Он сжал кулаки, не чувствуя веса доспеха, и выпрямился.

Он не жалел о своем решении.

Любое замирение с Дейнерис, даже теоретически рассмотренное, привело бы к новым смертям и разрухе еще задолго до войны за Рассвет. Собственные лорды линчевали бы его, если бы лишь услышали о половине возможных вариантов предложений принцессе-изгнаннице; основа его власти, сама легитимность и право на правление были как бельмо на глазу для рода Таргариенов.

Самые верные сторонники Джоффри убили и отобрали земли у ее сторонников; попытка объяснить с Дейнерис, владеющей драконами, была бы равнозначной добровольному отказу от власти, которая была ему нужна. Это было бы сованием головы прямо в волчью пасть. Точнее в пасть дракона, в этом конкретном случае.

Он с радостью бы посвятил целую жизнь такой попытке, если бы имел возможность. Если бы было время. По крайней мере такой была его отговорка, какой бы жалкой она ни была. Это почти несомненно создало бы больше проблем, чем выгоды, но возможно, лишь возможно, Дейнерис можно было бы задобрить, отдав Драконий камень и Узкое море и провозгласив ее своей леди-протектором.

Штормовые земли взвыли бы от злости, Тайвин вероятно бы поднял бунт. Но если бы он мог потратить несколько жизней для этой цели, то возможно смог бы вместе с Сансой провести свою линию без лишнего кровопролития.

Но драконы... они все меняли. Рептилии были аналогом часового механизма, который постепенно бы отбирал его власть, передавая Дейнерис, с каждым месяцем, как они подрастали; коварный шепот в уши лояльных лордов, маяк для восстания, что начался бы на Драконьем Камне, а впоследствии затопил бы Королевские земли и распространилось дальше.

Смотрите, как они выросли, шептали бы люди. Посмотрите лишь, как выросла мощь Драконьего Камня. Каждый день тот шепот лишь бы возрастал, и не важно, как именно Дейнерис бы отреагировала. Даже если бы она сохранила здравый смысл и пригласила амбиции, даже если бы она была гением риторики и смогла убедить своих лордов не бунтовать...

Давление на нее было бы беспощадно, вплоть до того мгновения, когда в какой-то момент, может за несколько месяцев до прихода Иных к стене - то шептание достигло бы точки кипения.

Возможно стоит попробовать. Возможно реставрация таки сработает. Возможно я смогу вернуть себе все то, что они у меня отобрали...

Джоффри зажег спичку; один из первой партии, изготовленной в мастерских Риверстила. Это изобретение сейчас активно распространялось всем Вестеросом, наполняя его сундуки золотом и заставляя алхимиков плакать от благодарности. Длинную палочку охватило пламя, чадившее едким дымом; мерцающий огонек отклонялся в лево, пока не успокоился.

Юноша зажег небольшую кадельницу возле себя-подарок йи-тийского посла в Королевской Гавани. Ароматный дым возвращал воспоминания о палатках и смеющихся монахов, о серых песках под их ногами, и король позволил себе на минутку утонуть в воспоминаниях, пока лист горел в его пальцах.

(Кадило или кадельница — изначально в иудаизме, а затем в православном и католическом христианстве, сосуд для каждения - сжигания фимиама (ладана) во время определённых видов

богослужений в храме или церкви)

Легко было так думать задним числом. Дейнерис никогда бы не согласилась на мир. Время играло на ее стороне и на стороне ее драконов; для чего рисковать и поселиться почти вплотную у Королевской Гавани в пределах досягаемости королевских наемных убийц, когда она могла бы просто подождать? Для чего селиться на Драконьем Камне, когда узурпатор и его псы уже отобрали у нее все, что было.

Нет. Дейнерис подписала собственный смертный приговор в тот день, когда вылупились драконы. Это было нечестно. Это делало его лицемером. Но это уже не касалось только его лично. Это касалось всех родственников. Всего континента. Всей расы. Всех тех огоньков, что мерцали в темноте. Он уже не мог полагаться на счастливый случай, не тогда, когда судьба всей разумной жизни зависела от его действий и успеет ли он их совершить.

Глубинные не могли посмотреть в будущее вне нашего времени, вспомнил он, чувствуя появление мурашек на коже.

Кадило погасло в тот миг, как он взглянул на Ланниспорт. Дед построил хорошо продуманный, процветающий город, своеобразное отражение самого лорда Утеса Кастерли. Интересно, Тайвин часто упоминает о Рейнах и Тарбеках?

(Тарбеки — один из вымерших домов Западных земель. Это древний дом с богатой историей, члены которого были известны своим непокорным нравом)

Юноша уже был уверен, что узнает ответ после двух месяцев пребывания в этом замке, но сейчас он засомневался. Или дед вспоминал о Элии и Рейнис? Про малого Эйгона, чью голову размозжили о стену? Или он когда-то задумывался, как все могло быть по другому? Задумывался ли он о параллельных мирах, где король Эйгон все-таки достроил свой канал сквозь перешеек, и Тайвин гордо стоял бы возле него, служа как Десница короля в течение лета и зимы?

Джоффри двинулся с места гранитным коридором, заполненным золотыми статуями, в сопровождении сэра Робара, своеобразной широкоплечей тени, закованной в серебряные латы.

- Не видел той кучки зеленых мальчишек, Робар?

Лорд-командующий Серебряных Рыцарей что-то пробормотал, что можно было бы воспринять как облегчение:

- Они ждут вас на внутреннем дворе, - а через мгновение добавил,

- Отец Небесный, помилуй нас...

Джоффри засмеялся, пока они шагали по роскошному красному ковру, углубляясь в высоченную каменную скалу, которой по праву гордились Кастерли еще до того, как Ланн скормил последнего из них богам деревьев. Отдельные из тех потомков благородных родов были на десяток лет старше короля или Робара, но лорд-командующий слишком хорошо понял значение этих слов.

После Драконьего Камня.

Никакие изысканные позолоченные доспехи в стиле Западных земель не могли убедить Джоффри, что эта кучка является чем-то большим, чем сборище мальчишек, которые

собрались перед темной завесой в ожидании боевой славы, не понимая, что темнота сильно бьет в ответ.

Марбранды, Крейкхолы, Браксы, младшие ветви Ланинстеров; он мог бы собрать полкогорты лишь из них одних, если бы намеревался расточать войска направо и налево. Это было одно из условий сделки, одно из требований Тайвина, и старый Лев уже на полную использовал эту возможность.

Он использовал эту честь как приманку, чтобы избавиться от части знаменосцев и усилить позиции в качестве лорда-протектора; публично выставить себя арбитром и посредником между ними и короной, намекнув, что любые западные дворяне, которые хотели отправить своих сыновей и дочерей в столицу, должны сначала посоветоваться с ним лично.

Джоффри не сильно на это обращал внимания; все эти оруженосцы, пажы, рыцари, и даже фрейлины ему понадобятся, хотя он имел подозрение, что даже Тайвин не знал, с какой силой король и королева насядут на них. Всех бездарей сразу отошлют домой; опытные офицеры и бюрократы найдут себе подходящие места. Барышни овладеют искусством лечения и администрирования. Они станут носителями новой культуры на обновленном континенте. Его солдатами в будущей войне.

Он скрыл кривую улыбку, кивнув слуге, мелькнувшему словно призрак во встречном направлении. Здесь все так тихо двигались, в стенах Утеса Кастерли, даже когда Тайвин находился на охоте или пировал с вассалами. Они уже получили определенные результаты от своих начинаний, особенно у Сансы.

Ее помощницы-фрейлины уже и сами начали набирать собственных помощниц, и теперь сеть влияния, которую плела жена, уже свысока диктовала моду всей стране прямо из Драконьего Ямы. Он уже замечал эффект воздействия даже здесь, в Ланниспорте; от фасона платьев до даже шаблонных фраз.

Он предполагал, что сэр Робар от этого не в восторге, так же как и не в восторге от немногочисленных потенциальных кандидатов в Серебряные рыцари. Пока что их отношение колебались от восхищения до зависти каждый раз, как они видели Серебряного Рыцаря, за глаза публично презирая тот рыцарский орден за закрытыми дверями в тавернах и поместьях, хоть и с трепетом шептались о событиях Битвы в Тумане. Сэру Робару придется выбивать это все из их голов, пока они достигнут Королевской Гавани.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/2017509>